

HARLEQUIN

Маргарет Мур
**ЦЕЛУЙ
ВИКОНТА**

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Маргарет Мур
Поцелуй виконта

«Центрполиграф»

Мур М.

Поцелуй виконта / М. Мур — «Центрполиграф»,

Нелл Спрингли, компаньонка леди Стернпол, не помня себя, бежала от похотливого мужа своей хозяйки, прихватив немного денег в счет невыплаченного жалованья. Почтовая карета, в которой, кроме Нелл, был всего один пассажир, красивый молодой человек, перевернулась, и незнакомец, заключив девушку в объятия, поцеловал ее. Смущенные молодые люди представились друг другу. Он оказался лордом Бромвеллом, известным всему Лондону натуралистом, а она, опасаясь, что Стернпол объявил ее в розыск за кражу, назвалась чужим именем, не подозревая, к чему приведет эта невинная ложь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маргарет Мур

Поцелуй виконта

*Посвящаю моему отцу,
Клинтону Уоррену,
герою, который учил меня
своим примером*

Глава 1

*Я давно мечтал изучать эти поразительно интересные создания в их естественной среде, наблюдать за тем, как они ткуют паутину, и вообще за их образом жизни, оставаясь незамеченными, просто как один из представителей фауны, населяющей их мир.
Лорд Бромвелл. Сеть паука*

Англия, 1820 год

Сидя в почтовой карете, направляющейся в Бат, Нелл Спрингли украдкой поглядывала на своего единственного попутчика, недоумевая, почему этот явно знатный джентльмен избрал столь скромное средство передвижения. Он не проснулся, когда она садилась в Лондоне, и, несмотря на тряскую езду, продолжал крепко спать, сложив на груди руки. Его высокая бобровая шапка с каждым толчком все больше кренилась набок.

Весь его вид говорил о принадлежности к высшему обществу: дорожный сюртук из тонкой дорогой шерсти, великолепные кожаные штаны, тонкие лайковые перчатки на крупных, но изящной формы руках с длинными сильными пальцами. А эффектный, сложный узел, каким был повязан его ослепительно-белый шейный платок, и начищенные до зеркального блеска ботфорты свидетельствовали об услугах очень опытного камердинера.

Человек, который мог позволить себе столь дорогую одежду, наверняка должен был иметь собственный экипаж.

Может быть, он игрок, проигравшийся в пух и прах? А если он любитель боксерских поединков, проходящих под открытым небом, это могло бы объяснить загар, покрывающий ту часть его лица, которую можно было видеть из-под шляпы, успевшей сползти на лоб.

Впрочем, он вполне мог быть и моряком. Нелл легко представила его в морской форме с эполетами на широких плечах, выкрикивающим команды с капитанского мостика.

А может, он просто гуляка, прокутивший этой ночью все до последнего пенса. Тогда лучше бы он так и не просыпался до самого Бата. У Нелл не было ни малейшего желания вступать в разговоры с легкомысленным повесой, да и вообще с кем бы то ни было.

Карету вдруг с такой силой подбросило на ухабе, что в багажном ящике загрохотала поклажа путников, а сопровождавший их стражник громко чертыхнулся. Нелл судорожно вцепилась в сиденье, на мгновение ослепнув из-за съехавшего на нос капора.

– Вот уж трянуло так трянуло! – услышала она низкий добродушный голос.

Вернув капор на место, Нелл ошеломленно уставилась на поразительно красивого молодого человека. Он проснулся и поправил шапку, открыв ее взгляду худощавое лицо с тонкими правильными чертами и серо-голубыми глазами. Он был несомненно молод, но его большие дружелюбные глаза были окружены сеткой морщинок, обнаруживающих гораздо больший жизненный опыт, чем ее собственный.

Впрочем, какой там у нее жизненный опыт!

Нелл смутилась и, потупив взор, чинно сложила руки на коленях.

Глядя в пол, уголком глаза она заметила на красном полосатом сиденье какое-то движение.

Паук! Прямо к ней полз отвратительный коричневый паук!

Вскрикнув от ужаса, Нелл подскочила и неожиданно для самой себя опустилась прямо на колени сидящего напротив спутника, при этом сбив с него шапку.

– Успокойтесь, сударыня! – воскликнул он.

Вспыхнув от смущения, она поспешно пересела на сиденье рядом с ним.

– Я... Прошу прощения, – растерянно пробормотала она.

Упавшая на высокий лоб молодого человека прядь волнистых каштановых волос сделала его похожим на мальчугана.

– Не бойтесь, это всего лишь *Negenaria parietina*¹. Уверяю вас, он совершенно безвреден.

От стыда за свой глупый прыжок Нелл не нашлась что сказать и лишь разгладила юбки, опасливо взглянув на сиденье, которое так поспешно покинула.

Паука на нем не было.

– Куда он делся? – вскричала она и привстала, несмотря на отчаянную тряску.

Молодой человек приподнял свою шапку.

– Он здесь, у меня.

В его шапке?!

Он виновато улыбнулся.

– Видите ли, я очень интересуюсь пауками.

И хотя молодой человек был очень хорош собой, Нелл сочла его слишком эксцентричным, если не сумасшедшим.

– Пожалуйста, держите его от меня подальше. – Она отсела к самой стенке экипажа. – Терпеть не могу пауков!

– Очень жаль, – тяжело вздохнул молодой человек, словно находил величайшим недостатком свойственное большинству людей отвращение к этим божьим созданиям.

Учитывая все, что пришлось совершить Нелл за последние несколько дней, легкий укор за брезгливость к паукам, прозвучавший в голосе мужчины, показался ей просто нелепым.

– Дело в том, что большинство видов пауков совершенно неопасны, – продолжал ее спутник, с любовью рассматривая сидящего в его шапке паука. – Конечно, они не так красивы, как некоторые насекомые, но не менее полезны, чем бабочки или пчелы.

Он поднял на Нелл глаза и обезоруживающе улыбнулся:

– Но, как бы вы ни относились к паукам, я чувствую себя обязанным представиться. Меня зовут...

Его прервал оглушительный треск. Карета подпрыгнула, как живая, тут же сбросив Нелл с сиденья. Спутник подхватил и прижал ее к себе, в то время как экипаж под испуганное ржание лошадей и отчаянные вопли кучера стал опасно крениться набок.

Через мгновение он со стуком рухнул на землю, и Нелл со спутником оказались лежащими на полу в узком пространстве между сиденьями.

– Вы не ушиблись? – обеспокоенно спросил он.

Она не ощущала никакой боли – только его крепкое тело под собой и его сильные надежные руки.

– Кажется, нет. А вы?

– Со мной все в порядке. Наверное, что-то случилось с колесом или осью.

– Да-да, конечно, – пролепетала Нелл, ощущая его сбивчивое дыхание в такт своему, хотя непосредственная опасность уже миновала.

¹ Один из видов рода домашних пауков.

– Мне следует узнать, что произошло.

Она кивнула.

– И поскорее, – продолжал он, не отрывая от нее взгляда.

– Да-да, конечно, – прошептала она, понимая, что должна встать, но не двигалась.

– Возможно, понадобится моя помощь.

– Да, наверное.

– Я думаю...

– О чем?

– Смогу ли я провести один эксперимент...

– Какой эксперимент? – повторила она, не улавливая смысла в его словах.

И в следующую секунду – без предупреждения, не зная ее имени и не представившись, он приподнял голову...

И поцеловал ее!

Прикосновение его губ было легким и нежным, восхитительно приятным, как теплый хлеб и глоток горячего чая в холодный день, и невероятно возбуждающим – ничего похожего на тот, другой и неожиданный поцелуй, который всего несколько дней назад резко изменил ее жизнь.

И сам он был абсолютно не похожим на властного и надменного лорда Стернпола.

Этот поцелуй был таким же восхитительным... каким был и сам молодой человек.

Но вот он судорожно вздохнул, оторвался от ее губ и прижался к полу, ставшему теперь стенкой.

– Ради бога, простите меня! – чуть ли не в ужасе вскричал он. – Я не знаю, что на меня нашло!

Нелл так же быстро поднялась и прислонилась спиной к противоположной стенке, то есть к крыше.

– Я... Я тоже не знаю, – выговорила она, покраснев до слез от смущения и стыда, но на самом деле она отлично поняла, что на нее нашло – возмутительное и в высшей степени несвоевременное желание.

И это тогда, когда ей нельзя было привлекать к себе внимание!

– Должно быть, это все из-за шока, – виновато предположил он и попытался встать на ноги, но ему пришлось согнуться в три погибели. – Если позволите, я узнаю, что там случилось.

Он дотянулся до ручки дверцы, которая теперь была у него над головой, толкнул ее наружу, подтянулся на руках и по-обезьяньи ловко выбрался наружу.

Неловко скорчившись на дверце, Нелл машинально поправила капор и попыталась оценить ситуацию. Она находилась в опрокинувшейся карете, но осталась живой и невредимой. Дорожное платье помято, но, слава богу, не порвано и даже не испачкано. Ее капор практически не пострадал, тогда как бобровой шапке спутника не повезло: она оказалась под ними и теперь наверняка была безнадежно расплющена вместе с этим мерзким пауком.

Но главное, этот прекрасный незнакомец поцеловал ее и теперь глубоко и искренне раскаивается в этом, хотя она и ответила на его поцелуй, что было непростительной глупостью.

Нет, она определенно родилась под несчастливой звездой! А как иначе объяснить все эти неприятности, внезапно свалившиеся на нее за последнее время? Казавшееся подарком судьбы место компаньонки у леди Стернпол обернулось настоящей катастрофой. Как она радовалась, когда, выбежав на дорогу, увидела приближающуюся почтовую карету! И вдруг на полпути до Бата – настоящее крушение! Казалось, ей повезло, что в карете оказался всего один пассажир, да и тот крепко спал, – и вот чем все это закончилось!

В распахнутой настезь дверце внезапно появилась голова ее соседа.

– Похоже, сломалась ось. Ее починить нужно, и только потом можно будет поставить карету на колеса. Следовательно, нам придется искать другое средство передвижения. Если вы протянете руки, я постараюсь вас вытащить.

– Боюсь, ваша шапка погибла вместе с пауком.

– Какая жалость! – Он потянулся к ней. – Бедняга! Если бы я не спрятал его в шапку, он мог бы остаться живым.

Он вытащил Нелл с поразившей ее легкостью, молодой человек не производил впечатления атлета.

Выбравшись наружу, в предрассветном полумраке она разглядела лежавшего на обочине дороги кучера в зеленом пальто с красной пелериной. Его широкополая шляпа валялась в стороне, а на лбу кровоточила рана. Стражник в забрызганном грязью красном мундире одной рукой сдерживал за поводья четырех возбужденных лошадей, уже отпряженных от кареты, а другой сжимал старый мушкетон. У одной лошади была сломана задняя левая нога, и она держала ее на весу. К счастью, на крыше не было пассажиров, в противном случае авария не обошлась бы без серьезных увечий и даже гибели людей.

Молодой человек выпрыгнул из экипажа, днище которого было выкрашено красной краской, боковые стенки – серой сверху и черной снизу с четко нарисованным номером, и протянул к ней руки.

Ей ничего не оставалось, как опереться руками о его плечи и спрыгнуть. Он придержал ее за талию, и девушка снова испытала приятное волнение. Как только она коснулась ногами земли, он сразу убрал руки, словно показывая, что он вовсе не наглый волокита и действительно смущен своим дерзким поступком.

– Поскольку с вами все в порядке, с вашего позволения я, пожалуй, займусь кучером. – Отвесив короткий изящный поклон, он подошел к кучеру и опустился рядом с ним на колени.

Стянув испачканные перчатки, молодой человек откинул со лба кучера седые волосы и деловито и профессионально осмотрел рану.

Уж не доктор ли он?

– Я умираю? – испуганно спросил кучер.

– Очень в этом сомневаюсь, – спокойно и уверенно ответил молодой человек. – Если бы у вас был поврежден череп, кровотечение было бы гораздо более сильным. У вас есть другие повреждения?

– Плечо... Я его вывихнул, когда попытался удержать лошадей.

Кивнув, молодой человек стал ощупывать его плечо, и кучер вздрогнул от боли, когда тот коснулся больного места.

– Понятно, – сказал молодой человек.

– Что там? – испуганно уставился на него старик.

– Ничего страшного, Томпкинс, – с улыбкой успокоил его молодой джентльмен. – У вас просто растяжение мышцы, так что на некоторое время придется вам отказаться от поездок. Но не думаю, чтобы это было серьезной травмой.

– Слава богу! – с облегчением вздохнул Томпкинс.

Затем тревога его уступила место злости.

– Это все из-за той проклятой собаки! Выскочила на дорогу прямо перед самым носом! Мне следовало ее переехать, а я попытался повернуть, и колесо наткнулось на этот чертов камень...

– Томпкинс, среди нас находится юная леди, так что я попросил бы вас воздерживаться от резких выражений, – поднимаясь на ноги, мягко заметил ему доктор.

– Вы уж извините меня за грубость, мисс. – Кучер повернул голову к Нелл.

– Я могу чем-нибудь помочь? – невозмутимо спросила она.

Молодой человек развязал шейный платок и протянул ей.

– Вот, можете очистить от грязи его рану – если только вам не станет плохо при виде крови.

– Нисколько! – Она взяла платок, от которого исходил незнакомый приятный экзотический запах.

– А я пока займусь лошадьми. – При этом он рассеянно расстегнул воротник своей рубашки, открыв шею и отчасти даже грудь, которые были такими же загорелыми, как и его лицо.

Может, он служил корабельным врачом?

Кучер попытался сесть:

– Я попробую сам...

– Нет, нет, Томпкинс, вам нельзя двигаться. Радуйтесь, что у вас такая очаровательная сиделка, и предоставьте лошадям моим заботам. А сами лучше расскажите, как однажды я попытался управлять вашей упряжкой и в результате мы с вами угодили в канаву.

Кучер усмехнулся и сразу же скривился от боли.

– Хорошо, милорд.

Милорд?! И при этом врач? Над этим стоило бы поломать голову, если бы ее не беспокоила новая проблема: как они доберутся до Бата.

– Но сначала мне нужно поговорить с вашей сиделкой, – заметил дворянин, беря Нелл за руку и отводя ее в сторонку.

– Значит, все-таки он серьезно ранен? – с тревогой спросила она, простив молодому человеку эту фамильярность.

– Нет, не думаю. Хотя я ведь не врач.

– Разве? – удивленно воскликнула она.

– К сожалению. Но я достаточно разбираюсь в медицине, чтобы знать, что ему нельзя позволить заснуть, иначе он может потерять сознание. Вы можете за этим проследить, пока я осмотрю лошадей и доберусь на одной из них до ближайшего постоянного двора? Там мне помогут достать врача.

– Думаю, смогу.

Молодой джентльмен одобрительно улыбнулся и направился к стражнику с лошадьми. А Нелл вернувшись к вознице, осторожно извлекла из раны грязь и стала промокать кровь, которая уже едва сочилась.

Джентльмен спросил у стражника, где находятся пистолы, которые они возят, чтобы обороняться от разбойников.

– Под моим сиденьем, – нервно отвечал стражник, бросив взгляд на высокое сиденье позади кареты.

– Я подержу лошадей, а вы избавьте от страданий это несчастное создание.

– Как? Вы хотите, чтобы я ее пристрелил? – испуганно вскричал стражник. – Я не могу уничтожить правительственную собственность! Я же на службе. И потом, я слежу за почтой, а не за животными.

– Но если лошадь сломала ногу, кажется, можно сделать исключение!

– А я говорю вам, что не мое это дело возиться с лошадьми!

– Я не допущу, чтобы несчастное животное мучилось.

– Вот как? А кто вы такой?

– Заткнись, Сникс! – крикнул кучер. – Пусть виконт делает то, что считает нужным!

Так он виконт? Выходит, ее поцеловал виконт?!

– Если понадобится, я заплачу за лошадь, – заявил виконт и с решительным видом зашагал к перевернутому экипажу.

Стражник промолчал, хмуро наблюдая, как виконт достал из ящика пистоль, такой же древний, как мушкетон.

Пряча пистоль за спиной, молодой человек подошел к бедной лошади, тихо и виновато что-то приговаривая, затем прицелился и выстрелил бедняжке прямо между ее большими и влажными карими глазами.

Когда животное тяжело рухнуло на землю, виконт поник головою, уронив руку с пистолем.

– Все равно ей нельзя было помочь, – хрипло произнес кучер. – Другого выхода не было.

Да, другого выхода не было, грустно подумала Нелл, прижимая платок к ране на лбу Томпкина, всей душой сочувствуя человеку, вынужденному пристрелить несчастное животное.

Засунув пистоль за пояс, виконт подошел к ним. С этим пистолем, с видневшейся в открытом ворота загорелой грудью и растрепанными волосами он был похож на отважного пирата.

Пират. Море. Виконт, который интересуется пауками, путешествует за море...

Силы небесные! Должно быть, это сам лорд Бромвелл, знаменитый натуралист, чья книга о путешествии вокруг света наделала такого шума в лондонском высшем свете и вызвала столько откликов в газетах! Ее бывшая хозяйка леди Стернпол тоже приобрела экземпляр «Сети паука» и с восторгом говорила о необыкновенных приключениях виконта, хотя так и не удосужилась прочесть книгу.

В таком случае нет ничего удивительного в том, что во время аварии он сохранял полное присутствие духа. Для человека, пережившего страшное кораблекрушение и нападение канибалов, перевернувшийся во время движения экипаж – всего лишь небольшая неприятность! А что касается этого странного поцелуя... Можно не сомневаться, что женщины сами к нему льнут, а он воспринимает их как очередную жертву, привлеченную к нему его книгой и славой.

Но если он такая известная личность, то инцидент с почтовой каретой вызовет огромный интерес у газетчиков. Они быстро разносят, что он был не единственным пассажиром, станут выяснять имя его спутницы, как она оказалась в почтовой карете, куда направлялась...

Сетуя на несправедливую судьбу, жалея, что оказалась в Лондоне, что решила добратся до Бата, что успела попасть на эту карету, а главное, что встретила такого известного человека, Нелл наблюдала, как прославленный натуралист легко вскочил на неоседланную лошадь и галопом помчался по дороге.

Глава 2

К счастью, природа наделила меня характером практичным и деятельным, и когда наш корабль стал тонуть, я не поддался эмоциям, а старался спасти как можно больше своих спутников. Только после того, как корабль окончательно скрылся под водой, шторм утих, а мы с некоторыми необходимыми вещами, которые нам удалось спасти, добрались до крошечного песчаного островка, затерянного в океане, я опустил голову на колени и разрыдался.

Лорд Бромвелл. Сеть паука

Как и предполагал лорд Бромвелл – прозванный друзьями Багги², – вид всклокоченного человека, без шляпы и верхней одежды, влетевшего во двор «Короны и льва» на взмыленной почтовой лошади, произвел настоящий переполох.

Слуга с кулем муки на спине изумленно застыл с открытым ртом. Двое бродяг в лохмотьях, лениво подпиравших дверь гостиницы, встрепенулись и спустились с крыльца. Прачка едва не выронила громадную корзину с мокрым бельем. Мальчик, несший в дом начищенные сапоги, чуть не свернул себе шею, во все глаза таращась на всадника, и наткнулся на бродяг, заработав от них тумака.

– Там, на дороге, произошел несчастный случай! – крикнул Бромвелл выбежавшим навстречу из конюшни старшему конюху с помощниками.

Соскочив с измученной лошади и стащив с руки намотанные поводья, он передал их младшему конюху. Тем временем вокруг него собрались грумы, слуги в ливреях, пара оборванных зевак, чистильщик сапог и прачка.

– В трех милях отсюда на дороге в Лондон у почтовой кареты сломалась ось, и она перевернулась, – пояснил он столпившимся вокруг него людям.

– Что вы говорите! – воскликнул старший конюх, будто впервые слышал о подобном происшествии.

– Да-да!

В это время, встревоженный суматохой, из пивного зала вышел хозяин постоялого двора. Вытирая руки о замасленный фартук, повязанный поверх толстого живота, он поспешил вперед мелкой рысью, что при его комплекции производило забавное впечатление.

– Ба, да это вы, лорд Бромвелл! – воскликнул он. – Надеюсь, вы сами не пострадали?

– Нет,нисколько, мистер Дженкинс, – отвечал виконт, смахивая грязь с кожаных штанов. – К сожалению, не могу сказать это о других. Нам срочно нужны врач, другой экипаж, а для меня верховая лошадь, вряд ли все мы поместимся в одном экипаже. Разумеется, я заплачу...

– Милорд! – возмущенно вскричал Дженкинс, прижав руки к груди. – Никогда!

Бромвелл благодарно ему улыбнулся. Между ними существовала давнишняя взаимная симпатия, поэтому он с досадой наблюдал надменное отношение своего отца к хозяину постоялого двора.

– Эй, Сэм! – крикнул Дженкинс старшему конюху. – Приготовь мою коляску и оседлай для его светлости Браун Бесси. Только возьми хорошее седло! А ты, Джонни, поставь сапоги у двери и беги за доктором, – приказал он чистильщику. – И поскорее, одна нога здесь, другая там, понял?

Мальчик тут же выбежал со двора, а конюхи и грумы повели усталую лошадь в конюшню. Подхватив корзину с бельем и снова водрузив ее на свое крутое бедро, женщина неохотно

² От *англ.* bug – насекомое, жук.

двинулась к прачечной. Зеваки вернулись на свой пост у дверной притолоки, откуда им были видны все въезжающие всадники и экипажи.

– Пожалуйста, ваша светлость, выпейте чего-нибудь, пока готовят лошадь и коляску, – радушно пригласил Дженкинс виконта. – Может, пожелаете умыться.

Бромвелл провел рукой по своей щеке и обнаружил и на ней брызги грязи.

– Да, пожалуй, стоит умыться.

Он последовал за хозяином к двухэтажному деревянному строению с пивной и столовой на первом этаже и со спальнями для гостей на втором.

Хотя лорд Бромвелл давно утратил малейшие признаки тщеславия, считая, что в отношении внешности ему далеко до своих друзей, шагая следом за Дженкинсом по грязному, усеянному соломой двору, он невольно думал, какое впечатление произвел на свою спутницу.

И какой дьявол толкнул его на этот дурацкий поступок? Правда, девушка была прехорошенькой, с изумительными зеленоватыми глазами, и, когда недалеко от Лондона она бежала к карете, он успел разглядеть под скромным серым плащом ее ладную фигурку. Но не в первый же раз он встретил красивую девушку. А туземные красавицы, которых ему довелось видеть почти полностью обнаженными во время короткого пребывания в тропиках! И если она сразу привлекла его внимание, то зачем он притворялся спящим, пока не заснул по-настоящему? Вот если бы он заговорил с ней, то сразу задался бы вопросом: как случилось, что девушка с такой правильной речью и изысканными манерами путешествует одна, без компаньонки?

Вероятно, она гувернантка или прислуга высшего ранга.

Но, кем бы ни была его попутчица, ему следовало бы стыдиться своего внезапного порыва – если бы он не доставил ему такого удовольствия.

– Слышь, Марта, у нас в гостях лорд Бромвелл, чудом избежавший гибели, – войдя в пивной зал, обратился хозяин к своей жене, стоявшей у кухни. – Вообрази, почтовая карета опрокинулась прямо на полном ходу!

Добрая толстушка миссис Дженкинс ахнула и кинулась к виконту, словно желая осмотреть его повреждения.

– Не беспокойтесь, – быстро предупредил ее виконт. – Насколько я могу судить, никто серьезно не пострадал. Ваш муж уже послал за доктором и предложил взамен свою коляску.

– Ну, слава Господу! Но разве я не твердила все время, что почтовые кареты слишком старые и изношенные, что в них просто опасно ездить?! – заявила миссис Дженкинс, остановившись и уперев руки в пышные бедра. Она сердито уставилась на них, будто считала их ответственными за это несчастье и что в их власти было устранить все недостатки в работе королевской почты.

– Да-да, женушка, говорила, – покорно подтвердил мистер Дженкинс. За долгие годы знакомства с супругами Бромвелл понял, что разгневанную миссис Дженкинс можно было утихомирить только одним способом – ни в чем ей не перечить. – Вели Саре принести в голубую комнату лучшего вина, пока лорд Бромвелл слегка приведет себя в порядок. Ему не мешает подкрепиться.

– Там уже есть чистая вода и свежее белье, милорд, – сообщила она и ретировалась.

– Хотя, конечно, она права, – заметил Дженкинс, почтительно провожая гостя. – Эти почтовые экипажи, что кареты, что дилижансы, просто позор, вот что я вам скажу, милорд!

Они миновали пивной зал, вызвав живое любопытство нескольких посетителей, которые сразу начали перешептываться.

И не только из-за несчастного случая, о котором успели узнать, или из-за его костюма, забрызганного грязью, – до Бромвелла донеслись слова «кораблекрушение» и «людоеды».

Видно, он никогда не привыкнет к этим любопытным и назойливым взглядам, которые преследовали его, где бы он ни появился. И хотя его радовало, что успех написанной им книги вызвал всплеск интереса к миру природы, в такие моменты он тосковал о былой неизвестности.

Знала ли, догадывалась ли его юная спутница, кто он такой? Не потому ли она так страстно ответила на его поцелуй?

И если это так, то как ему вести себя, когда он вернется?

– В кувшине чистая вода, правда, холодная, а там вы найдете полотенца.

– Благодарю вас, Дженкинс.

– Позвоните, если вам что-нибудь понадобится, милорд.

– Разумеется, – пообещал Бромвелл, и трактирщик вышел из комнаты, притворив за собой дверь.

Лучшая комната гостиницы была маловата по сравнению с комнатами Бромвелла в отцовском поместье и в лондонском доме, но чистенькой и уютной, с дешевыми ситцевыми занавесками в сине-белую полоску, таким же покрывалом и фаянсовым умывальником. Пол со скрипучими половицами покрывал яркий лоскутный ковер. Бросив взгляд на кровать, он вспомнил жалобы своего друга Друри. В прошлый раз, направляясь к Бромвеллам на Рождество, он останавливался здесь на ночь и не мог заснуть из-за нещадного скрипа сетки кровати.

«Воображаю, как поразились бы мои друзья, если бы узнали о моих сегодняшних подвигах», – с усмешкой подумал виконт. Не тому, что он пристрелил несчастную лошадь – избавить ее от страданий было актом милосердия, и иного они от него и не ожидали бы. Но тому, что он, Багги, ученый сухарь, вечно поглощенный своей любимой наукой, поцеловал женщину, которую едва успел разглядеть.

Разумеется, он знал, что природа подталкивает мужчин к поиску сексуальных наслаждений, и ему не были чужды естественные инстинкты (что могли бы подтвердить юные обительницы знойных тропиков), но в Англии он всегда неукоснительно следовал строгим нормам этикета.

Гм, до сегодняшнего дня.

Врожденная сдержанность изменила ему в результате шока от аварии, успокоил он себя, умываясь холодной водой и энергично вытирая лицо грубым холщовым полотенцем. Люди по-разному проявляют себя в разных обстоятельствах, в чем он не раз убеждался за время своего последнего путешествия. Порой те, кто на суше производил впечатление храброго человека, попав в жестокий шторм, терялись и становились совершенно беспомощными, а тот, которого он считал заведомым трусом, самоотверженно бросался спасать своих товарищей.

– Милорд, я принесла вам вина, – раздался за дверью голос миссис Дженкинс, оторвав его от глубоких раздумий, или, как выражался его отец, «от вечных мечтаний».

– Войдите, – ответил он и быстро расправил закатанные рукава рубашки.

Хозяйка вихрем ворвалась в комнату и протянула ему стакан с вином.

– Это просто чудо, что никто не погиб! – громогласно вскричала она, и ее объемистые тела от возмущения ходуном заходили. Лорд Бромвелл с наслаждением осушил стакан превосходного вина. – Сколько лет я твердила Дженкинсу, что эти колымаги не для наших дорог! Вы должны уговорить вашего друга Друри подать в суд на почтовое ведомство. Говорят, он выигрывает все дела.

– Друри занимается только уголовными преступлениями, – сказал Бромвелл, поставив стакан и сняв сюртук со спинки стула. – А это был просто несчастный случай из-за бродячей собаки, которую Томпкинс по доброте своей не захотел погубить. Я не стану обращаться в суд из-за этого инцидента.

Он надел забрызганный грязью сюртук. Если бы это видел его бывший камердинер! Не зная, сколько времени он проведет в путешествии, да и вернется ли вообще, он уволил Алберта, предварительно снабдив его превосходными рекомендациями и заплатив за полгода вперед. Вернувшись в Англию, он до сих пор не удосужился нанять нового камердинера, что вызывало возмущение Миллстоуна, дворецкого в лондонском доме его отца. Правда, даже Миллстоун

вынужден был признать, что виконт научился отлично повязывать себе галстук, поскольку на судне в свободное время он подолгу тренировался перед зеркалом.

Что сказал бы Миллстоун, если бы узнал о случившемся? Скорее всего, укоризненно вздохнул бы и заметил, что его светлости давно следовало приобрести новую карету. Он мог себе это позволить.

Разумеется, мог бы, если бы не затевал новую экспедицию.

А если бы Миллстоуну стало известно о его поцелуе, с ним случился бы обморок. Он и сам ужаснулся, осознав, что поцеловал совершенно незнакомую женщину.

Видимо, отец был прав, когда жаловался знакомым, что сын слишком много времени провел в диких краях и совершенно отвык от цивилизованного общества.

– Готова ли лошадь и коляска? – спросил он у миссис Дженкинс, которая явно настроилась на серьезный монолог.

– Да, милорд, все готово.

– Отлично. – Он взглянул в окно на затянувшие небо свинцовые тучи. – С вашего разрешения, миссис Дженкинс, мне нужно спешить.

– Ах, милорд, вы всегда такой вежливый и воспитанный!

Не всегда, подумал он, покидая гостеприимную хозяйку.

Ох, не всегда!

Комкая окровавленный шейный платок виконта, Нелл с тревогой посмотрела на небо. Облака превратились в серые мрачные тучи, да и ветер заметно усилился.

– Не волнуйтесь, барышня, – успокаивал ее кучер, но, приподнявшись, вздрогнул от боли в плече. – Лорд Бромвелл скоро вернется. Этот парень носится на коне как ветер!

Она улыбнулась, но выражение ее глаз говорило, что она продолжает тревожиться, поэтому Томпкинс похлопал ее по руке, закрыв глаза.

– Я знаю его с шести лет. Может, по нему и не видно, но можете мне поверить, он отличный наездник, к тому же очень храбрый молодой джентльмен.

– Но не такой уж ловкий возница, чтобы управиться с четверкой почтовых лошадей, не так ли? – нарочно спросила она, чтобы не дать Томпкинсу заснуть.

К ее облегчению, он снова открыл свои карие глаза.

– Ну, честно говоря, в тот раз у него вышло не очень-то удачно, но ведь ему было всего пятнадцать лет!

– Пятнадцать? Да ведь он мог получить серьезные травмы или погибнуть!

Кучер нахмурился:

– Думаете, я этого не понимал? Когда он первый раз попросился на мое место, я, конечно, отказал ему и потом не давал поводьев, но он пристал ко мне как банный лист, пока я не сдался. Он уговаривал меня изо всех сил, все твердил, что уже давно правит лошадью, что проедет всего одну милю. Но только я не поэтому сдался. Я знал, что ему хочется чем-то похвастаться, когда он снова вернется в школу, чтобы его товарищи знали, что он не хуже их. Хотя он один стоил целого десятка, так я ему и сказал тогда. Но у него были такие умоляющие глаза, и вот, мисс, у меня духа не хватило отказать ему. В тот день у нас не было пассажиров, и если бы в одном месте дорога не оказалась такой скользкой, то все закончилось бы хорошо.

Нужно было его видеть! – продолжал Томпкинс, улыбаясь при воспоминании. – Точь-в-точь римлянин на колеснице – стоит и работает поводьями, как опытный возчик, да только потом мы попали на мокрую глину, вот и съехали в канаву! Но карета моя ничуть не пострадала, да мы всего-то немного запоздали. Только для его батюшки это не имело значения, когда он узнал, что случилось.

Томпкинс вздохнул и нахмурил брови.

– Слышали бы вы, какой разнос учинил ему граф! Другой отец радовался бы и гордился, что у него такой храбрый сын. А этот... Можно было подумать, что лорд Бромвелл проиграл семейное поместье или... или человека убил!

Ну а виконт – да благослови его Бог! – заявил отцу, что это он заставил меня уступить его просьбе, пригрозив, что он позаботится, чтобы меня прогнали с работы, если я ему откажу. Что ж, он, конечно, солгал, но так спокойно и чертовски твердо – прошу прощения, мисс, – стоял на своем, что в конце концов граф ему поверил. И больше от молодого лорда Бромвелла ни словечка добиться не могли. Он просто стоял перед отцом с головы до ног в этой проклятой глине, из разбитой губы течет кровь, а он знай себе молчит, и все! Граф-то кричит так, словно речь произносит в своей палате лордов, да только молодому лорду и дела нет. Вот он каков! О, он отличный парень, не смотрите, что из благородных. Вы книгу-то его читали?

– К сожалению, нет, – искренне сказала Нелл.

– Сказать вам честно, сам-то я ее тоже не читал, потому как не умею, – признался кучер. – Но мне рассказывали, как он чудом спасся от этих дикарей и после кораблекрушения. Ну и про татуировку, конечно.

Нелл отняла руку с платком от его лба.

– У лорда Бромвелла есть татуировка?

Усмехнувшись, Томпкинс понизил голос:

– Верно, только он никому не говорит, где и что, значит, там нарисовано. Просто сказал, что у него она есть. Несколько джентльменов заключили на нее пари и даже записали его в той книге, что в Уайтсе, да только денег до сих пор так никто и не получил.

Нелл знала о существовании журнала записи разнообразных пари в этом фешенебельном клубе и о том, что многие из его членов заключают пари на все что угодно.

Томпкинс посмотрел вдаль и показал на дорогу:

– Ну, слава богу, вон он возвращается.

Нелл обернулась. Действительно, к ним мчался всадник, и это был лорд Бромвелл, по-прежнему без шапки, и ветер трепал его волосы, и сюртук был так же забрызган грязью, как и сапоги.

– Мистер Дженкинс из «Короны и льва» отправил сюда доктора в своей двуколке. Они скоро будут, – запыхавшись, сообщил лорд Бромвелл, натянул поводья и спешил.

Нелл не посмела встретиться с ним взглядом и, потупив взор, продолжала прикладывать платок к ране Томпкинса, хотя кровь из раны уже не текла.

Перед ее опущенными глазами появились забрызганные грязью сапоги лорда Бромвелла.

– Надеюсь, раненому удобно лежать?

– Да, милорд, – ответил Томпкинс. – Только вот голова здорово болит.

– Вы не дремали, не спали?

– Ни секундочки, милорд! Мы с юной леди прекрасно провели время.

Лорд Бромвелл начал постукивать носком сапога.

– В самом деле?

– Да, милорд. Я рассказал ей про тот случай, как вы правили моими лошадами, а потом мы говорили про вашу книгу.

Нелл робко подняла глаза и нашла, что лорд Бромвелл выглядит еще более неотразимым, в распахнутой у ворота рубашке, со взъерошенными ветром густыми шелковистыми волосами и с начинавшими отрастать бакенбардами, подчеркивающими благородные черты его лица. Однако сейчас это красивое мужественное лицо хранило серьезное выражение, серо-голубые глаза смотрели загадочно, а полные губы, так нежно ее поцеловавшие, были твердо сжаты.

– Я и не знала, что вы – знаменитый лорд Бромвелл, – нерешительно призналась она.

– Прошу простить мою неучтивость, мне следовало сразу вам представиться. А вы?..

– Элеонора Спрингфорд, милорд, – краснея от стыда за свою ложь, ответила Нелл.

– А еще, милорд, мы говорили про вашу татуировку, – с добродушной усмешкой поделился кучер.

– Обычай украшать тело татуировками очень распространен у островитян, – невозмутимо пояснил лорд Бромвелл, будто речь шла о светском обычае вроде чаепития. – А вот и коляска Дженкинса!

И он зашагал навстречу двуколке, оставив Нелл гадать, как отнесется к ней этот человек, если когда-нибудь узнает правду.

Глава 3

Полагаю, ученого отличают от обычных людей пылливый склад ума и неумная лобознательность. Он не находит удовлетворения в созерцательном отношении к окружающему миру. Любой механизм вызывает в нем желание выяснить, как он устроен, каким образом работает. И если он – натуралист, то каждое живое существо вызывает в нем стремление досконально изучить его, понять движущие им инстинкты, заставляющие его вести тот или иной образ жизни.

Лорд Бромвелл. Сеть наука

– Ужин будет подан через полчаса, милорд, – сообщил Дженкинс, стоя в дверях еще меньшей комнаты, которую занял Бромвелл после возвращения с места происшествия, предоставив более удобную спальню мисс Спрингфорд. – Жена рада, что зарезала курицу только сегодня днем, так что ей есть чем вас угостить. Скажу вам по секрету, иначе она с ума бы сошла от волнения.

– Да я уже столько раз у вас останавливался, – отвечал Бромвелл, взяв щетку для волос, чтобы хоть немного привести себя в порядок. – Пора бы ей уже знать, что мне по вкусу вся ее стряпня. Особенно пироги. Когда я оказался на том песчаном островке, за один ее пирожок я был готов душу продать!

– Побойтесь Бога, милорд, разве можно так говорить! – вскричал Дженкинс, при этом просяив от гордости. – Но я непременно скажу об этом жене, доставлю ей такое удовольствие... А вот и Джонни, милорд, он принес ваш багаж.

– Спасибо, – поблагодарил виконт мальчика, когда тот поставил на пол его небольшой чемодан.

Поклонившись, Дженкинс вышел, предоставив виконту переодеваться к ужину, тогда как Джонни с любопытством уставился на его светлость и робко спросил:

– Милорд, неужели вас и впрямь чуть не съели эти дикари?

– Вполне возможно, что и съели бы, если бы нас поймали, – честно признался Бромвелл. Паренек в ужасе вытаращил глаза.

– Если ты не возражаешь... – Бромвелл направился к двери, и, поняв намек, мальчик поспешно ретировался.

Виконт со вздохом закрыл дверь. Он уже всерьез жалел, что включил в книгу эпизод с каннибалами. Люди спрашивали только о нем, пропуская без внимания другие важные события и наблюдения.

Впрочем, чаще всего это происходило в присутствии дам, рассуждал он, снимая грязную одежду. Стоило же ему оказаться после ужина или в клубе в обществе мужчин, те с откровенной завистью и любопытством забрасывали его вопросами об островитянках.

Какими разочарованными они выглядели, когда вместо рассказов о красивых женщинах слышали описание флоры и фауны тропических островов и, разумеется, редких видов пауков. Порой, если они проявляли достаточно терпения, он рассказывал о heiva, языческом празднике с плясками: otea, когда танцуют только мужчины, о парном танце ура-ура и huga, который исполняется одними женщинами.

Под воспоминания об этих ярких самобытных танцах он надел чистую белую рубашку, штаны из тонкой шерсти и чулки. Что бы подумала об этих плясках мисс Элеонора Спрингфорд?

А если бы узнала, что он тоже принимал в них участие?

После его дерзкого поцелуя она определенно не считает его джентльменом... С другой стороны, ее реакция на его поцелуй тоже не соответствовала представлениям о должном поведении воспитанной дамы.

Внезапно он сообразил, что уже слышал ее имя. Ну, конечно, леди Элеонора Спрингфорд, дочь герцога Уаймертона! И мать называла ее в числе других девушек, надеясь, что он женится и перестанет возиться со своими пауками. Но какого черта леди из знатной и состоятельной семьи одна едет в почтовом экипаже, одетая в столь скромное, если не сказать, бедное платье?

Вряд ли это была поездка ради удовольствия.

Уж не попала ли она в беду? В таком случае он обязан оказать ей помощь.

Решив немедленно поговорить с леди Элеонорой, Бромвелл быстро спустился в столовую.

Но среди множества посетителей дочери герцога не оказалось.

Увидев его, все разом смолкли, и он, изобразив вежливую улыбку, стал взглядом искать леди Элеонору.

– Ах, милорд, какая трагедия! – вскричала пожилая женщина, утопающая в пышно отделанном кружевами шелковом платье с розовыми цветами по желтому полю, которое было бы уместнее в публичном доме.

Она бросилась к нему навстречу из толпы мужчин, судя по их виду, местных фермеров и торговцев. Наверняка они привели сюда своих жен посмотреть на знаменитого натуралиста. Из-за этих сшитых по последней моде, ярких, красочных нарядов женщин комната напоминала пеструю цветочную клумбу.

– Да, это было досадным происшествием, – пробормотал он.

– Я подам в суд на почтовое ведомство, пусть его заставят починить дорогу! – заявил один из мужчин, глядя на Бромвелла недоумевающим взглядом, явно находя его не вполне соответствующим образу всемирно известного путешественника.

Бромвелл давно уже перестал объяснять, что отправился в экспедицию ради изучения новых видов флоры и фауны, в частности пауков, а не с целью захвата новых земель, порабощения народов и овладения местными природными ресурсами.

– Предоставим местным властям позаботиться об этом, – дипломатично предложил он.

– Они позаботятся только в том случае, если вы напишете об этом случае в «Таймс», – возразил мужчина, и тут в столовой появился Дженкинс, по случаю приезда виконта облачившийся в свой лучший воскресный наряд.

Бромвелл еще больше смутился, когда Дженкинс начал представлять его собравшимся, как будто он был ценным достоянием, которым хозяину гостиницы не терпелось похвастаться. Не желая обижать давнего знакомого, виконт подчинился, но продолжал высматривать леди Элеонору и, наконец, предположил, что она попросила принести обед в ее комнату.

В последний раз окидывая взглядом столовую, он уже представлял себе долгий тоскливый вечер, как вдруг увидел ее в самом дальнем углу. Она была в голубом шелковом платье. В отличие от броских нарядов других женщин оно было с небольшим декольте, отделанным тонкими кружевами. Скрытые прежде под скромным капором волосы оказались густыми, прелестного каштанового оттенка и были уложены просто, но с большим вкусом. Что и говорить, она выгодно отличалась от окружающих своим элегантным обликом.

Но даже издали виконт обратил внимание на то, что платье было для нее великовато, особенно в корсаже.

Странно, подумал он и, извинившись перед обступившими его людьми, поспешил подойти к леди Элеоноре.

– Добрый вечер, миледи! – Он поклонился и поцеловал ей руку в перчатке, не отводя взгляда от ее серьезного лица, чтобы не смотреть на слегка оттопыривающийся вырез платья.

– Добрый вечер, милорд. – Она слегка наклонила голову с аккуратным пробором.

Тут он обратил внимание, что и перчатка не очень ловко обтягивает ее маленькую кисть.

– Как Томпкинс? – спросила она.

– Ему уже значительно лучше, хотя на несколько дней ему придется отказаться от работы.

– Рада это слышать. Но нам придется найти другого возницу. Не возьметесь ли вы сами править лошадьми? – В ее красивых зеленоватых глазах заплясали веселые искорки.

– О нет! Я давно уже отказался от мечты стать кучером! Как выяснилось, это слишком опасная профессия.

– Неужели это более опасно, чем бороздить океаны, держа путь к необитаемым землям в поисках пауков?

– Но я никогда не осмелился бы командовать судном, предпочитаю путешествовать в качестве скромного пассажира, – возразил он, вызвав у нее мелодичный смех.

Только теперь он начинал понимать своих друзей, которые заводили кратковременные инт рижки с красивыми дамами, но все это длилось до тех пор, пока каждый из них не встретил ту единственную женщину, которой суждено было стать его женой. А с Брикстоном произошло еще более странно – внезапно он понял, что его счастье может составить только девушка, живущая в соседнем поместье и знакомая ему с самого детства.

Но сейчас, глядя в смеющиеся глаза леди Элеоноры, он подумал, не та ли это женщина, которая предназначена ему самой судьбой.

Бромвелл строго себя одернул. Судя по всему, девушка находится в затруднительном положении, и, разумеется, он всеми силами постарается ей помочь, но в настоящий момент он не имел права связывать себя с ней узами любви.

– Ага, вот и ужин! – провозгласил Дженкинс. – Милорд, вы наш почетный гость, а потому ваше место во главе стола! – повел рукой хозяин.

Поблагодарив Дженкинса легким поклоном, Бромвелл занял указанное ему место, с облегчением отметив, что леди Элеонора будет сидеть в дальнем конце длинного стола, застеленного белоснежной крахмальной скатертью, где по такому случаю красовался драгоценный веджвудский сервиз миссис Дженкинс.

По дружной просьбе присутствующих он прочел молитву и приступил к ужину.

Правда, воздать должное яствам, приготовленным под руководством миссис Дженкинс, ему почти не удалось. Во-первых, его взгляд все время невольно возвращался к леди Элеоноре. Во-вторых, ему досаждали расспросами. Вкуснейший картофельный суп сменил великолепный сочный ростбиф, затем последовала фаршированная курица с вареными овощами и свежее испеченным хлебом; а виконт успевал лишь отведать каждое блюдо в перерывах между ответами.

И как всегда, интерес вызывали лишь кораблекрушение и его встреча с людоедами. Сдерживая раздражение, он старался перевести разговор на неизвестные в Англии тропические деревья и растения, животных, насекомых и пауков, но это мало кого интересовало.

За исключением леди Элеоноры. Он заметил, как жадно она его слушала, хотя, встретившись с ним взглядом, она покраснела и опустила глаза.

Еще он обратил внимание на безупречную манеру, с которой леди Элеонора вела себя за столом, полным аппетитных и сытных кушаний. Она ела скромно и деликатно, как монахиня, отламывая хлеб крошечными кусочками. Однако при этом довольно часто облизывала свои нежные полные губки, что казалось ему более соблазнительным, чем покачивания обнаженных бедер таитянок во время танцев.

А если бы они встретились в Лондоне, вдруг подумал Бромвелл. В Олмаксе, у кого-нибудь на балу или на приеме в доме Брикса и Фанни? Заинтересовала бы его леди Элеонора настолько, чтобы он попросил кого-нибудь познакомить их, или она показалась бы ему оче-

редной богатой наследницей из тех, к кому его вечно подталкивает отец, и он предпочел бы держаться подальше от нее?

Но что толку об этом думать? Они встретились при самых необычных обстоятельствах, и он посмел оскорбить ее поцелуем. И она не может думать о нем иначе, как о безнравственном и наглом волоките.

Если бы ему удалось ей помочь, это могло бы изменить ее мнение о нем в лучшую сторону, заставило бы забыть о первом дурном впечатлении.

Как бы там ни было, он должен выяснить, действительно ли ей нужна помощь, и если так, то сделать все, что в его силах, а потом уже ехать дальше, в родовое поместье.

И больше они не увидятся.

Спустя несколько часов Нелл настороженно прислушивалась, стоя у окна, сквозь стекла которого лился свет полной луны. Она готовилась сбежать из гостиницы не уплатив по счету. Денег у нее оставалось очень мало, и кто знает, когда ей еще подвернется новое место.

При таком ярком свете ее могли заметить, зато луна хорошо освещала дорогу. И поскольку Нелл могла себе позволить лишь пеший способ передвижения, то это избавляло ее от опасности оступиться и повредить ногу.

Что сказали бы ее родители, если бы знали о том, что с нею случилось! Они старались воспитать ее порядочной девушкой, на последние средства отправили в частную школу, где ее учили хорошим манерам, осанке и правилам этикета, мечтали, чтобы она выросла такой же, как благородные леди.

И все понапрасну! Хорошо еще, что они уже покинули этот бранный мир и никогда не узнают о ее бедах.

Решив, что все уже заснули, она взяла свой саквояж, осторожно отворила дверь и снова прислушалась. Ничего, кроме поскрипывания кроватной сетки из комнаты лорда Бромвелла.

Видимо, с ним кто-то был. Ей казалось, что он вернулся в комнату один; однако она не удивилась бы, если бы у него оказалась женщина – какая-нибудь смазливая горничная или одна из тех особ, что за столом не отрывали от него глаз. Нелл не сомневалась, что женщины добивались его внимания еще до того, как он прославился, а уж после выхода его знаменитой книги ему, наверное, проходу не дадут!

Так стоит ли удивляться, что столь избалованный женским вниманием молодой человек набросился на нее с поцелуем, а вечером выискивал ее взглядом. Хотя, казалось бы, он должен был понять, что больше она не хочет иметь с ним дело. Просто не может себе этого позволить.

Грустно вздохнув, Нелл потихоньку вышла в коридор и закрыла за собой дверь. Здесь было темно, как в подземелье. Ощупывая стену рукой, она медленно двинулась к лестнице.

– Карета отправляется в путь только через несколько часов, – вдруг раздался за ее спиной голос лорда Бромвелла.

Нелл быстро обернулась.

В кромешной тьме она ничего не видела, только чувствовала исходящее от него тепло.

Стараясь овладеть собой, она привела заранее подготовленное объяснение:

– Я не могла заснуть, поэтому подумала, не поискать ли мне в кухне вина.

– И для этого вам понадобилось надеть накидку, капор и захватить саквояж?

– Я опасалась, что мои ценности украдут, если я оставлю их в комнате.

Он подошел ближе, и Нелл разглядела, что он был в сапогах, кожаных штанах и в рубашке, расстегнутой у ворота.

– Должно быть, у вас много драгоценностей.

– Нет, но мне не хотелось бы лишиться и того небольшого, что у меня есть. Извините, что потревожила вас, – сказала она и двинулась дальше.

Он оперся рукой о стену, преградив ей дорогу.

– У вас возникли проблемы, миледи, – тихо, но уверенно сказал он. – Я хотел бы помочь вам, если это в моих силах.

Помочь ей? Он казался искренним, но могла ли она ему доверять? Могла ли она доверять кому-либо?

К тому же она ему солгала.

– Моя единственная проблема, милорд, та, что вы меня задерживаете. Пропустите меня, или мне придется позвать на помощь.

– О нет, вы этого не сделаете, – еще тише произнес он.

Господи, неужели она в нем ошибалась? Неужели ей нужно его остерегаться?

Но она не посмела разбудить хозяина или кого-нибудь из гостей, поэтому тихо велела виконту пропустить себя.

В этот момент внизу открылась дверь, по пивному залу кто-то тяжело протопал, затем шаги направились к лестнице.

Ее не должны застать здесь, да еще с мужчиной, который к тому же не одет должным образом.

Она повернулась и на цыпочках побежала к своей комнате. Виконт последовал за ней, не дав ей захлопнуть дверь у себя перед носом, вошел внутрь и тихо притворил ее за собой.

Глава 4

Когда-нибудь мы установим, что заставляет лосося во время нереста предпринимать полное препятствий и опасностей путешествие вверх по течению реки и почему собака часами просиживает у постели своего заболевшего хозяина. А пока нам известно лишь то, что каждым живым созданием руководят не познанные нами таинственные инстинкты и врожденная защитная реакция.

Лорд Бромвелл. Сеть науки

Нелл стояла перед виконтом, храня молчание, пока кто-то грузно поднимался по лестнице, затем миновал ее комнату. Где-то в коридоре открылась дверь. Сонный голос миссис Дженкинс окликнул мужа, который в ответ пробормотал что-то о заболевшей лошади, и дверь закрылась.

– Немедленно отойдите от двери! – яростно прошипела Нелл и крепко стиснула ручку саквояжа, готовясь обрушить его на голову Бромвелла. Не так давно она уже оказалась в расставленной мужчиной западне, но с боем вырвалась на свободу, и, если понадобится, она снова это сделает.

Однако в отличие от лорда Стернпола, обуреваемого бешеной злобой, виконт беседовал с ней самым мирным тоном, как будто они прогуливались в парке ясным солнечным днем.

– Вы собираетесь добраться до Бата глубокой ночью да еще пешком?

Его тон и соблюдаемая дистанция немного успокаивали, но она не могла ему доверять.

– Я уже сказала вам, куда иду. А теперь пропустите меня!

– Не бойтесь, – сказал он, оставаясь на месте. – Я и не думаю причинить вам какой-либо вред. Я только хотел предложить вам свои услуги.

Услуги? Какие еще услуги? Лорд Стернпол тоже сказал, что она может извлечь пользу, если окажет ему некоторые услуги, но горько пожалеет, если откажется.

Вместе с тем важное отличие все же было. Лорд Стернпол вызывал у нее ужас и отвращение, а лорд Бромвелл, напротив, – доверие и уважение.

Тем не менее она не собиралась сообщать ему об этом, да и вообще продолжать с ним знакомство.

– Вероятно, моя неподобающая реакция на ваше дерзкое поведение внушила вам обо мне ошибочное представление, милорд. Уверяю вас, не в моей привычке целоваться с незнакомыми мужчинами. Впрочем, как и с теми, кто был мне представлен.

– Рад это слышать, но я предлагаю вам вовсе не те услуги, о каких вы, кажется, подумали. Несмотря на мой сегодняшний промах, я вовсе не наглец, вознамерившийся воспользоваться слабостью женщины. Мне уже ясно, что вас преследуют какие-то неприятности, и мое единственное и искреннее намерение – выяснить, что с вами произошло и могу ли я вам помочь.

– Помочь мне, удерживая против моей воли?

Он оставил ее вопрос без ответа.

– Если с вами все благополучно, то позвольте спросить, почему вы путешествуете одна, без компаньонки, почему на вас платье, которое вам явно велико, и почему не пользуетесь своим титулом? И почему, миледи, вы хотели покинуть гостиницу под покровом ночи?

Ее охватил внезапный озноб.

– Я не леди.

– Вы – не леди Элеонора Спрингфорд?

Нелл старалась скрыть от него свой испуг. Да, она не леди Элеонора, она вообще не принадлежит к высшему обществу. Это имя она услышала в школе от одной из своих однокласс-

ниц, которая всегда пренебрегала знакомством с нею. Нелл решила воспользоваться схожим с ее именем просто потому, что оно пришло ей на ум.

Сейчас это казалось ей нелепым и глупым.

Но если он знал настоящую леди Элеонору, он бы сразу сообразил, что она самозванка, и дал бы ей это понять или обратился бы к властям.

– Да, я не Элеонора Спрингфорд. – Она решила отвечать со всей осторожностью. – И я никуда не бегу. Я направлялась в Бат навестить свою тетю. А что касается моего платья, милорд, мне казалось, вы специалист по паукам, а не по дамским модам.

– Просто я наблюдателен от природы.

– У моей модистки ужасная швея. К сожалению, до моего отъезда она не успела нанять другую.

Она подошла к окну и остановилась с возмущенным видом, хотя у нее дрожали ноги, а по спине полз отвратительный ручеек пота.

– Дверь находится у вас за спиной, милорд. И теперь, когда я вам все объяснила, прошу вас воспользоваться ею.

Он только упрямо сложил на груди руки.

– Я не уйду, пока не буду уверен, что вам ничто не угрожает.

Господи, помоги! Она верила, что он говорит серьезно, что у него нет эгоистичных, безнравственных побуждений, но почему ей довелось встретиться с таким благородным джентльменом именно здесь и сейчас?!

– Вы заблуждаетесь, милорд. У меня нет абсолютно никаких проблем.

– В таком случае я вынужден предположить, что вы пытаетесь уклониться от уплаты за комнату.

Нелл возмущенно посмотрела на него, лихорадочно соображая, что сказать. Он угадал, но что она могла ему ответить!

– Есть и другое объяснение, милорд, моему желанию оставить эту комнату.

Он поднял бровь, выжидающе глядя на нее.

– Вам не приходило в голову, что мне страшно спать так близко от человека, который имел наглость поцеловать меня? Кто может сказать, на что еще вы способны, что и подтверждает ваше присутствие в моей комнате?

– Вы опасаетесь моего нападения?! – недоверчиво уточнил он.

– А разве у меня нет оснований? Ведь вы же обняли меня без моего согласия, преследовали меня в коридоре, ворвались в мою спальню и сейчас упорно не желаете выйти!

– Но я – джентльмен, что вам могут подтвердить Дженкинсы, а также мои друзья и знакомые из общества.

– Я бы не назвала джентльменским ваше сегодняшнее поведение.

Он смущенно взъерошил себе волосы:

– Признаться, я и сам его так не назвал бы... Однако случается, что в известных обстоятельствах люди ведут себя не совсем обычно. Полагаю, именно это со мной и произошло. Я был немного не в себе после того, как карета так неожиданно опрокинулась.

Все равно она не хотела, чтобы он думал, что может вести себя с нею как ему заблагорассудится.

– Женщины того острова, о котором вы рассказывали за обедом, они считали бы вас достойным джентльменом, если бы знали, какого поведения можно от вас ожидать?

– Да, несомненно, – уверенно отвечал он. – Мое поведение полностью соответствовало их обычаям и представлениям.

– Вот и я не сделала ничего дурного.

– Возможно, но вы либо обманщица или преступница, либо от чего-то или от кого-то скрываетесь. Если верно мое первое предположение, мой гражданский долг задержать вас.

Если вы действительно чего-то опасаетесь, я еще раз прошу позволить мне оказать вам помощь. Но каков бы ни был ваш ответ, я не могу позволить вам одной ночью брести по диким и безлюдным местам. Это очень опасно, и если с вами что-нибудь случится, я никогда себе этого не прошу.

Действительно он так беспокоился о ее безопасности или нет, но она видела его решительное настроение и понимала, что он не уйдет до тех пор, пока она не представит ему правдоподобного объяснения.

Придется его придумать.

Вспомнив, что рассказывал кучер об отце лорда Бромвелла и о том, как он разносил своего сына, она опустила на пол саквояж, в котором находились ее одежда, туалетные принадлежности и три платья леди Стернпол.

Покорно опустив руки, она заговорила, делая вид, что против воли вынуждена открыть ему правду.

– Ну что ж, милорд. Вы совершенно правы. Я действительно леди Элеонора Спрингфорд и действительно спасаюсь бегством от своих родителей, которые хотят насильно выдать меня замуж за итальянского графа. Граф очень богат, ему принадлежат три замка, но по возрасту годится мне в деды и, мало того, известен своим распутным образом жизни. У него уже было несколько любовниц, и нет никакой надежды, что он будет хранить верность своей супруге. Вот почему я сбежала и почему при мне нет ни горничной, ни компаньонки.

– Слава богу, на дворе девятнадцатое столетие, а не Средние века, – мрачно возразил лорд Бромвелл. – Вы могли просто отказаться от помолвки, а не убегать из дома и подвергать себя опасности.

Она остановилась около умывальника, рассеянно теребя кончик полотенца.

– Я полагала, что человеку, который много видел, путешествуя по всему свету, нет необходимости объяснять, какие меры можно предпринять, чтобы заставить женщину вступить в брак, особенно если жених чрезвычайно богатый аристократ, а ее родители не так состоятельны, как думают окружающие.

– Вы правы, – сказал лорд Бромвелл, по-прежнему стоя у дверей. – Мои родители были далеко не в восторге от моего выбора профессии, и матушка умоляла меня не ездить в последнюю экспедицию, так что мне отлично известно, что такое ожидания родителей и их методы убеждения. Но со временем они наверняка успокоятся и сдадутся. Думаю, сейчас они очень обо мне тревожатся.

– Наверное. К сожалению, я уверена, что меня продолжают искать, хотя надеюсь, что пока еще поиски ведутся в Италии.

– Вы одна проделали весь этот путь из Италии?! – с нескрываемым ужасом воскликнул он.

Она проделала путь сюда из Йоркшира, но не собиралась сообщать ему об этом.

– Да, мы поехали туда, чтобы поправить здоровье отца.

Так сказала им Летиция Эплсмит, и леди Стернпол подтвердила это, когда днем болтала с подругой, общество которой Нелл поневоле приходилось терпеть.

Лорд Бромвелл задумчиво нахмурил брови, и она испугалась, не знает ли он что-то про герцога Уаймертона и его семью, о чем ей неизвестно, пока он не сказал:

– Да-да, кажется, матушка говорила мне об этом.

– Путешествие в одиночестве оказалось не таким трудным, как я думала, – с облегчением заговорила Нелл. – Чаще всего люди были ко мне очень добры, особенно женщины. Кажется, они догадывались, что я спасаюсь от неблагоприятной семейной ситуации. Правда, порою мужчины отпускали нежелательные замечания, но меня никто не тронул до... до вас, милорд.

Он покраснел, как мальчик, и она поспешила продолжить, не желая углубляться в эту тему:

– Должно быть, потрясение от инцидента вынудило меня назвать вам мое подлинное имя, и я прошу вас никому его не открывать. Вы очень известный человек, репортеры наверняка узнают о случае с каретой и могут выяснить, кто находился в ней вместе с вами. Я надеюсь как можно скорее добраться до моего крестного, лорда Ратлесса, который живет в Бате. Я уверена, что он примет мою сторону и защитит меня.

– Понимаю, – сказал виконт, глядя на нее с такой искренней добротой и сочувствием, что она почувствовала себя самой подлой преступницей. – У вас есть деньги? Или вы пытались выскользнуть отсюда из-за того, что у вас недостаточно средств?

Подавив смущение, она призналась:

– У меня осталось немного денег, но, к сожалению, их недостаточно, чтобы заплатить за комнату.

– Я с радостью приму на себя эти расходы.

Зная, что он может себе это позволить, она не стала возражать:

– Благодарю вас, милорд.

– Хотя до сих пор у вас все шло благополучно, я не могу допустить, чтобы вы продолжали путешествовать одна и с ограниченными средствами. Вы не согласитесь принять приглашение посетить мое поместье? Это всего в нескольких милях от Бата. Там вы будете в полной безопасности и сможете послать записку вашему крестному, чтобы он приехал за вами.

Сгорая от стыда за свою ложь, она опустила взгляд.

– И пусть вас не пугает, что я могу воспользоваться ситуацией.

– Благодарю вас, милорд, но я не смею вам навязываться, и думаю, будет лучше, если я не стану вмешивать вас и ваших родственников в свои неприятности.

– Как пожелаете, – разочарованно произнес он. – Но позвольте мне хотя бы заплатить за эту ночь и снабдить вас достаточными средствами для завершения поездки.

Он вынул из кармана штанов бумажник из дорогой тонкой кожи и извлек несколько десятифунтовых банкнот.

Она не хотела их принимать, но действительно отчаянно нуждалась.

– Благодарю вас, милорд. – Она взяла протянутые ей банкноты. – Я никогда не забуду вашей доброты. – «И вашего поцелуя». – Я верну вам долг при первой же возможности.

Если эта возможность когда-нибудь представится и – при условии, что она решит признаться ему в своем обмане.

Он улыбнулся, и у нее сердце защемило, когда она смотрела на его красивое и мужественное лицо, освещенное призрачным светом луны.

– Должен сказать, я никак не ожидал, что поездка в Бат будет такой волнующей и полной событий.

– Я тоже. Не знаю, что бы я без вас делала, когда случилась эта авария.

– Не сомневаюсь, что вы непременно нашли бы какой-нибудь выход. Вы определенно умная и находчивая девушка.

Если бы эти слова сказал кто-нибудь другой, они не показались бы ей комплиментом, но в его устах прозвучали самой желанной похвалой.

– А вы – невероятно храбрый и благородный рыцарь.

Он шагнул к ней. Затаив дыхание, она ждала в надежде на новый поцелуй.

Но он остановился.

– Мне лучше вернуться к себе, пока меня не застали здесь и не потребовали объяснений. Не хотелось бы испортить нашу с вами репутацию, хотя моя уже и без того подвергается некоторому осуждению.

Спрятав банкноты за лиф, она проводила его до двери, проклиная себя за ложь, жалея, что не в силах выразить ему всю полноту своей благодарности. Ведь она не вернет ему долг, потому что утром расстанется с ним навсегда!

– Поверьте, я высоко ценю вашу доброту и благородство, милорд.

Во дворе прокукарекал петух, виконт улыбнулся и открыл дверь:

– С добрым утром, миледи.

– Пойдите! – тихо окликнула она.

Он обернулся и вопросительно посмотрел на нее.

Она больше не могла, она должна была это сделать.

Притянув его к себе за рубашку, она поцеловала его. Не нежно и ласково, как он поцеловал ее в карете, а горячо и страстно, как того требовало ее сердце.

Лорд Бромвелл замер то ли от неожиданности, то ли от негодования. Она в ужасе подумала, что сейчас он ее оттолкнет, но он обнял ее за талию, прижал к себе и не менее страстно ответил на ее поцелуй. Она прильнула к его широкой груди, чувствуя слабость в ногах.

Какой это был поцелуй! Страсть пробудилась в ней, горяча кровь в венах. Не так давно она с отвращением вырвалась из мерзких объятий своего бывшего хозяина, но теперь жаждала, чтобы лорд Бромвелл подхватил ее своими сильными руками, отнес ее на постель и...

Будто угадывая ее желание, он прижал ее спиной к двери. Не прерывая поцелуя, он положил горячую ладонь на ее грудь.

Дыхание ее участилось, она вся загорелась, и рука ее скользнула ему под рубашку, ощутив пылающую кожу, напрягшиеся мышцы. Прежде ей и в голову не могло прийти ничего подобного, но сейчас ей не терпелось сорвать с него рубашку и прильнуть губами к его обнаженной коже.

Она уже стала поднимать полу рубашки, как вдруг он прервал поцелуй и отшатнулся, глядя на нее огромными глазами.

Грудь его тяжело вздымалась, брови были сурово нахмурены.

– Бога ради, я снова прошу вас простить меня! Как порядочный человек, я должен был преодолеть свои первобытные инстинкты.

«Его первобытные инстинкты!» Но ведь именно она подчинялась их власти!

Он положил руку на щеколду.

– Желаю вам всего самого лучшего, миледи.

– И я вам, милорд, – прошептала она, и он выскользнул в коридор.

Нелл медленно прошла к кровати. В жизни она не испытывала такого стыда, даже когда обокрала лорда Стернпола.

Что с ней происходит, стоит ей оказаться рядом с лордом Бромвеллом? Как могла она забыть, что известность виконта ставит ее в еще более опасное положение!

Не успела она присесть на край кровати, как в комнату вплыла миссис Дженкинс с кувшином горячей воды.

– Доброе утро, – сказала она, поставив его на умывальник. – Я вижу, вы уже готовы к дороге. Скажу вам, сегодня чудесная погода для поездки. Завтрак скоро будет готов. Я только застелю кровать, если вы не возражаете.

Нелл поспешила подойти к умывальнику.

– Какой приятный молодой человек, не так ли?

– Кто? – спросила Нелл, хотя отлично знала, кого та имела в виду.

– Лорд Бромвелл, конечно! – ответила женщина, взбивая подушку. – Вам очень повезло, моя милая.

– Нам всем действительно повезло, что он был рядом, когда с каретой случилась эта беда. Если бы он не запретил нам переносить Томпкинса, его состояние сильно ухудшилось бы.

– Я имела в виду вовсе не это. Я не вчера родилась на свет, дорогая моя, – ответила жена хозяина. – Он никогда прежде не привозил сюда женщину, правда, как и своих друзей, – продолжала она, хлопоча у кровати. – Говорят, они порядочные озорники, все, кроме барри-

стера³. Этот-то всегда мрачный да молчаливый, как какой-то призрак. Трудно поверить, что он уже женился... А я всегда говорила, что, видно, не доживу до того дня, когда лорд Бромвелл привезет свою...

– Боюсь, вы заблуждаетесь, миссис Дженкинс, – не выдержав, прервала ее Нелл. – Лорд Бромвелл вовсе меня не привез, и я ему никто, просто случайная спутница по почтовой карете.

Миссис Дженкинс выпрямилась и сурово нахмурилась:

– Говорите что хотите, милочка, но половицы что-то сильно скрипели. Вы были здесь не одна.

– Я расстроилась из-за этого инцидента и не могла заснуть. Вы слышали только мои шаги, когда я расхаживала по комнате. Одна.

Миссис Дженкинс покачала головой:

– Не надо мне лгать. Я никогда не видела, чтобы лорд Бромвелл смотрел на женщину так, как вчера вечером смотрел на вас. Если не считать того дня, когда он поймал у меня в конюшне такого огромного паука, какого я в жизни не видела.

– Вряд ли я могу счесть это комплиментом или признаком влюбленности, если он смотрел на меня как на паука, – возразила Нелл, ловко изображая негодование утонченной леди. – Может, в его взгляде и были признаки легкого интереса.

– Вы выражаетесь точно так же, как он, когда говорит о своих пауках, – со вздохом сказала миссис Дженкинс, нисколько не обескураженная надменным тоном Нелл. – Я и половину-то не понимаю, что вы тут сказали. А, правда, какой у него красивый голос, да?

Нелл не стала вслух соглашаться с хозяйкой гостиницы, чтобы та не приняла это за очередное подтверждение своих подозрений.

Миссис Дженкинс устремила на нее проницательный взгляд:

– И потом, я видела, как он выходил из вашей комнаты.

Это было не так легко объяснить, но девушка попробовала:

– Он только хотел убедиться, что я в состоянии заснуть, несмотря на все, что случилось.

– Что ж, должна сказать, вам не откажешь в находчивости, – ответила миссис Дженкинс, аккуратно расправляя взбитую перину. – Только не стоит меня обманывать. Я вас не осуждаю, хотя другие вполне могут. Да если бы я была моложе лет на двадцать и не замужем, я бы первая... – Она смущенно покашляла, и ее полное лицо порозовело. – Но я уж не молодка, так что не важно. Я только хотела сказать вам кое-что до вашего отъезда. Лорд Бромвелл – очень хороший молодой человек, очень добрый, так что, смотрите, не разбейте ему сердце.

– Я не собираюсь этого делать, – заверила ее Нелл. – И повторяю, он заходил лишь для того, чтобы проверить, хорошо ли я себя чувствую.

– Ну, пусть будет по-вашему, – согласилась наконец миссис Дженкинс, явно не поверив ей.

Ситуация становится все хуже и хуже, с тоской думала Нелл. Всего шесть дней назад она была приличной и респектабельной девушкой. Теперь же люди имели право назвать ее воровкой и даже безнравственной – особенно если за ее комнату заплатит лорд Бромвелл.

С другой стороны, лорд Стернпол никогда не подумает, что женщина, которую он преследует, та самая, кого все считают любовницей знаменитого лорда Бромвелла.

– Вы уже сообщили лорду Бромвеллу свои выводы? – спросила она.

– Если бы на вашем месте была другая, – с негодованием отвечала миссис Дженкинс, – я бы вышвырнула ее вон! У нас с мужем приличная гостиница, чтоб вы знали.

Значит, она держит свои подозрения при себе, с облегчением поняла Нелл.

– Благодарю вас за доброту и за скромность. Мы с лордом Бромвеллом очень вас ценим, особенно если вы и дальше будете хранить нашу тайну.

³ Барристер – адвокат.

– А что, он боится, что потеряет благотворителей для своей следующей экспедиции, если об этом станет известно? – довольная, что ее догадка подтвердилась, спросила миссис Дженкинс.

Скрыв удивление, Нелл просто кивнула, чтобы не испортить достигнутый успех.

– Что ж, моя милочка, можете на меня положиться. Но помните, что я вам сказала насчет его сердца, а не то вам придется иметь дело со мной!

– Я это запомню, – пообещала Нелл, хотя эта добрая женщина несколько не беспокоилась насчет ее собственного сердца. Видно, она считала ее просто корыстной, бессердечной искательницей приключений. – Вы знаете, где сейчас лорд Бромвелл?

– Скорее всего, в конюшне. Наверное, ищет еще одного паука.

Нелл подавила брезгливую дрожь и быстро вышла из комнаты.

Ей не пришлось долго искать лорда Бромвелла. Он разговаривал около конюшни с одним из грумов.

На нем по-прежнему не было шляпы, и темные волосы его трепал ветерок. В темных штанах, белой рубашке под светло-зеленым жилетом и в уже начищенных сапогах, он стоял в непринужденной позе, отставив одну ногу, и до Нелл донесся его веселый, беззаботный, чарующий смех.

Пусть он никогда не узнает правду о ней, пусть всегда вспоминает ее с приятным чувством, как будет вспоминать о нем она сама, взмолилась в душе Нелл.

Он еще не увидел Нелл, как во двор вкатилась огромная черная карета с затейливым гербом на лакированной дверце. Возница в черной с золотыми галунами ливрее крикнул на лошадей и, изо всех сил натянув поводья, так резко их остановил, что лакей на запятках едва удержался на месте.

Во дворе все замерли – даже собаки – и не смели заговорить, пока один из лакеев не прыгнул на землю, слегка пошатнулся, затем открыл дверцу и опустил лесенку.

Из кареты появился высокий дородный джентльмен в синем плаще с четырьмя пелеринами и большими медными пуговицами. Стоя на лесенке, он обвел двор взглядом и остановил его на лорде Бромвелле.

Трагическим голосом, словно провозглашая близкий конец света, он протянул к нему руки и вскричал:

– Сын мой!

Глава 5

Как и ожидалось, пари выиграл Друри. Мы собираемся отпраздновать это событие небольшим обедом, но ничего такого, чтобы ты жалел о своем отсутствии.

Уверен, ты проявляешь по отношению к родителям свойственный тебе такт – когда не уединяешься в своем святилище, – хотя как ты умудряешься сосредоточиться в такой обстановке, не поддается моему скромному пониманию.

Из письма distinguished Брикстона Смит-Медуэя лорду Бромвеллу

Сколько раз за свою жизнь Бромвелл молился о том, чтобы отец обратил на него внимание.

Но только не сейчас!

– Милорд! – Страшась вообразить, что мог означать этот неожиданный приезд, Бромвелл быстро шел навстречу графу Грэнширу, который изволил ступить из кареты на грязный двор.

Обычно отец покидал свое поместье лишь в исключительных случаях, например отбывая в Лондон на открытие очередной сессии парламента или если какое-либо важное дело вынуждало его посетить своего банкира или поверенного в Бате. Но даже тогда чаще всего они сами являлись к нему по вызову.

Он даже не встречал сына в Дувре, когда тот возвратился домой после двухлетнего путешествия.

– Я приехал доставить вас к матушке, – объявил граф.

Как ребенка, который поссорился с родителями и убежал из дома, с досадой подумал Бромвелл, зная, что все это происходит на глазах леди Элеоноры.

Еще прежде, чем она появилась в дверях гостиницы, он интуитивно почувствовал ее приближение и, обернувшись, действительно увидел ее. Он не смог бы объяснить этот феномен, который был сродни его способности угадывать время, не глядя на часы.

И вот она стояла там, прелестная, необыкновенная и самая желанная женщина в мире!

– Ваша бедная мать чуть голову не потеряла от тревоги, когда мы получили вашу записку о несчастном случае, – сообщил граф, и Бромвелл пожалел, что написал ее, желая предупредить о своей задержке. – Не бойтесь, дорогая, сказал я ей, – продолжал его отец, воздев руки к небу, словно обращаясь к сверхъестественным силам. – Я возвращу его вам!

Вряд ли кто-либо из актеров театра «Ройал» способен был с большим эффектом произнести эту тираду. Глядя на застывшего в величественной позе отца, Бромвелл даже подумал, что тот не угадал своего истинного призвания.

Выдержав паузу, он ответил:

– Я сожалею, что заставил матушку волноваться. – На самом деле вам вовсе не следовало за мной приезжать. Со мной абсолютно ничего не случилось. Вы же видите.

– Возможно, могло быть и по-другому! Вот к чему привела продажа вашей кареты и путешествие в почтовом экипаже!

– Но в них благополучно ездят сотни людей, – возразил Бромвелл, хотя понимал, что отца не переубедить.

– Эти ваши сотни людей – не наследники графа Грэншира! – отрезал его отец. – К счастью, я смог приехать, чтобы избавить вас от дальнейших унижений.

Лишь с огромным трудом Бромвеллу удалось скрыть свое крайнее раздражение и досаду при этой нелепо-напыщенной тираде отца.

– Разумеется, я вам очень благодарен. Если вы подождете в обеденном зале, я улажу счета с миссис Дженкинс, после чего мы отправимся в путь.

Граф брезгливо скривил рот, будто сын предложил ему подождать в выгребной яме. Но в этот момент порыв ветра донес из открытой двери кухни аромат только что выпеченного хлеба.

– Что ж, пожалуй, – милостиво согласился граф. – Но поторопитесь, Бромвелл. Ваша матушка не находит места от волнения.

Увидев леди Элеонору, отец внезапно остановился.

– А кто это очаровательное создание? – осведомился он, даже не подумав приглушить свой зычный голос.

«Господи, придай мне сил!» – взмолился Бромвелл и поспешил вперед, чтобы познакомиться их, лихорадочно соображая, следует ли опустить ее титул, как она сделала это раньше.

Но она заговорила первой, избавив его от затруднения.

– Я леди Элеонора Спрингфорд, – она почтительно наклонила голову, – и обязана своим спасением вашему сыну.

Бромвелл разрывался между желанием объяснить, что ситуация была далеко не такой опасной, как описала ее леди Элеонора, и порывом упасть перед ней на колени.

– Иного от своего сына я и не ожидал! – Граф горделиво подбоченился.

– Ее светлость проявила поистине ангельскую заботу о бедном кучере! – вмешалась миссис Дженкинс, являя из-за спины Нелл свои мощные формы, дрожащие от благоговения. – Какая они прекрасная пара, вы не находите?

Бромвелл едва сознание не потерял. Кой черт дернул миссис Дженкинс за язык, чтобы сказать такое – и кому? Его отцу! Не хватало только, чтобы на его месте оказалась мать!

– В самом деле, – отвечал граф, окидывая оценивающим взглядом леди Элеонору, которая вынесла его с замечательным присутствием духа.

– Может быть, нам будет удобнее войти в дом? – предложила она.

– Да, конечно. А вы, Джастиниан, – обратился он к сыну, – займитесь своими делами, пока мы с леди Элеонорой немного подкрепимся. Идемте, миледи.

И он величественно пропустил ее в зал и сразу потребовал вина.

Опасаясь, как бы в его отсутствие отец не сказал о нем лишнего, Бромвелл быстро вошел в дом и рассчитался с миссис Дженкинс за услуги и комнаты для себя и для леди.

Ему показалось немного странным, что миссис Дженкинс приняла его платеж за оба номера без замечаний, но в тот момент он был слишком взволнован, чтобы задумываться об этом.

Затем он поспешил присоединиться к сидящим у камина отцу и леди Элеоноре, заметив, что на столике всего два стакана вина и что отец уже осушил свой наполовину.

– А, вот и вы, Бромвелл! – воскликнул граф, как будто сын только что прибыл издалека. – Вы знали, что отец леди Элеоноры – герцог Уаймертон? Мы с ним учились в одной школе, представляешь?

Нет, Бромвелл этого не представлял, хотя ему следовало бы догадаться. Если верить отцу, в одной школе с ним училось восемьдесят процентов родовой знати всей Англии. Это могло объяснить, почему все они, включая и его отца, отличались вопиющим невежеством в каких-либо областях знаний, за исключением античной литературы. Да и то зачастую в виде весьма поверхностного знакомства.

– В самом деле, лорд Грэншир? – сказала Нелл. – Отец об этом не упоминал.

– Что привело вас в Бат в это время года, миледи? – поинтересовался он, делая вид, что не слышал ее замечание.

– Я хочу навестить своего крестного отца, лорда Раттлса.

– Вряд ли это возможно.

Леди Элеонора невольно вздрогнула при этом решительном заявлении графа.

– В настоящее время он охотится в Шотландии на куропаток и вернется не раньше чем через месяц, – пояснил граф.

Скорее всего, так оно и было. Мать Бромвелла вела обширную переписку с подругами, основным предметом коей были светские новости.

– Старина Ратти всегда отличался рассеянностью, – заметил граф и, помолчав, вдруг просиял торжествующей улыбкой. – Но, дорогая леди Элеонора, до его возвращения вы можете остановиться в Грэншир-Холле. Мы с женой будем вам очень рады.

Бромвелл не знал, что и сказать. С одной стороны, он сам считал, что там леди Элеонора будет в полной безопасности. С другой стороны, может, это была не такая уж удачная идея, поскольку в ее присутствии он положительно терял самообладание.

Сейчас леди Элеонора тоже выглядела весьма растерянной.

– О, милорд, не думаю, что мне стоит навязываться вам и...

– Вздор! Это вовсе не значит навязываться, – оборвал ее граф. – Скорее, вы окажете нам огромную услугу. Мой сын провел слишком много времени среди моряков и дикарей. Ему просто необходимо общение с цивилизованными людьми, особенно с молодыми леди, в противном случае, боюсь, ему никогда не найти себе достойной жены.

Бромвелл с трудом заглушил стон. И это говорил отец, который не раз твердил ему, что он еще не готов к семейной жизни.

– Отец, может быть, леди Элеонора предпочтет...

– Вы видите, миледи? Ему действительно необходимо улучшить свои манеры. Милости просим к нам в Грэншир-Холл и живите сколько вам угодно. Вызовите свою горничную и велите ей принести ваш багаж. Бромвелл, проследите за его погрузкой.

Как обычно, возразить ему никто не посмел, даже леди Элеонора.

Подчиняясь неизбежности, Бромвелл хотел уже встать, но граф сам поднялся:

– С другой стороны, пожалуй, я сам этим займусь, чтобы еще и моя карета не опрокинулась.

Бесполезно было объяснять отцу, что в инциденте виновата неожиданно выскочившая на дорогу бродячая собака и подвернувшийся под колесо камень.

– Но у меня... нет горничной, – упавшим голосом пробормотала леди Элеонора вслед графу, который зашагал твердой и решительной походкой, как солдат, отправляющийся на защиту отечества.

Бромвелл тяжело вздохнул.

– Вы могли заметить, что мой отец из тех, кто не способен удовлетвориться простым отказом. Если ему возражать, он станет допытываться о причинах, а потом целый день будет убеждать вас в своей правоте.

Леди Элеонора опустила руки на колени, вызывая у виконта умиление своей трогательной беззащитностью.

– Раз моего крестного нет сейчас в Бате, я с благодарностью принимаю гостеприимное приглашение вашего батюшки. – Она вдруг покраснела. – Надеюсь, вы не считаете меня безнравственной грешницей из-за... из-за... Когда рано утром вы уходили от меня, я подумала, что больше мы не увидимся.

– Разумеется, я вас не виню, – сказал он. Ведь тогда он должен винить и себя! – Надеюсь, и вы не считаете меня легкомысленным и дерзким.

– Нет-нет. И я сожалею о том, что наговорила вам. К сожалению, в мире много дурных людей, и я боялась вам довериться.

– А теперь?

– Теперь, думаю, я могу вам верить.

Лорд Бромвелл радостно улыбнулся:

– В таком случае спишем наше необычное поведение на последствия инцидента и начнем все сначала, вы согласны?

В ответ она улыбнулась, и кровь в нем вскипела, угрожая нарушить принятое решение сдерживать эмоции.

Но вдруг ее улыбка сменилась тревогой.

– К сожалению, милорд, существует еще одна проблема. Со мной нет горничной, а кроме того, необходимой одежды. Вероятно, мне следует объяснить вашему отцу мою ситуацию.

– Не думаю, – твердо заявил Бромвелл. – Мой отец сразу заявит, что ваш долг – повиноваться родителям, и немедленно напишет вашему отцу. Кстати, не так давно одна из моих знакомых оказалась в подобном положении, когда отсутствие ее горничной могло вызвать нежелательные вопросы. Мы скажем отцу, что ваша горничная сбежала, прихватив с собой почти все ваши наряды.

– Вы решитесь солгать своему отцу?!

– В данном случае – да. – «Ради вас!»

– А если он решит обратиться к властям с заявлением о краже?

– Тогда я заявлю, что сам займусь расследованием. Даже если он усомнится в моих способностях, он будет рад, что я избавил его от возни.

– Но как он может сомневаться в ваших способностях после того, как вы совершили такое невероятное путешествие и преодолели столько трудностей?!

Ему приятно было это слышать, но он честно ответил:

– Вы же слышали, что он сказал относительно укладки багажа! Однако самое главное – это то, что до возвращения вашего крестного вы будете в Грэншире в полной безопасности.

Леди Элеонора наконец уступила:

– Хорошо, милорд. Я приму любезное приглашение вашего отца и – с угрызениями совести – вашу идею о сбежавшей с моими вещами Абигаиль.

Ехать в графской карете было бы очень приятно – погода стояла прекрасная, окрестности радовали глаз живописной красотой, экипаж мягко покачивался на мощных рессорах, и упругие, обитые шелковым дамаском сиденья были необыкновенно удобны. А если учесть, что напротив Нелл сидел лорд Бромвелл, то поездка могла бы оказаться и поучительной. Ее с детства интересовала история Британии, а такой образованный человек наверняка мог бы рассказать много интересного о графстве, о временах римской колонизации, о курорте с источниками минеральных вод неподалеку от Кромлеха в Стонхендже.

К сожалению, с ними находился и отец лорда Бромвелла. А главное, видимо, он считал признаком дурного тона хранить молчание и непрерывно болтал, а им поневоле приходилось его слушать. Он жаловался на ужасное состояние дорог, на дороговизну строительных материалов, на плохую работу почты, на бездеятельность правительства и на то, как трудно сегодня найти хороших слуг.

Один раз она поймала на себе взгляд лорда Бромвелла и сочувственно ему улыбнулась, но это оказалось ошибкой, поскольку глаза его сразу засияли, а полные губы раздвинулись в улыбке, отчего она сразу вспомнила его страстный и нежный поцелуй.

Устыдившись своих нескромных мыслей, она перенесла внимание на графа, который успел перейти к рассказу о своем поместье.

– С тех пор как я перестроил дом, он стал самым роскошным во всем графстве, – хвастался он, будто собственными руками укладывал каждый кирпич. – Парк разбивал Хэмфри Рептон. Я заплатил ему целое состояние, но он того стоит. Да, миледи, у графов Грэнширов и их наследников все только самое лучшее. Счастлива будет та девушка, на которой женится мой сын, если только она сможет убедить его забыть о бродяжничестве по свету в поисках этих насекомых.

– Отец, я уже объяснял вам, – терпеливо сказал лорд Бромвелл, – что пауки не принадлежат к классу насекомых.

– Ну хорошо, в поисках пауков. Только они ничем не лучше насекомых, ужасно неприятные создания.

Лорд Бромвелл хотел что-то возразить, но передумал и снова уставился в окно.

– Хотя на вид они не очень красивы и даже наводят страх, – отважно выступила Нелл в защиту пауков и виконта, – но, насколько я понимаю, многие виды совершенно безвредны. Я скорее предпочла бы встретиться с пауком, чем с осой.

И лорд Бромвелл поблагодарил ее таким взглядом, что она невольно зарделась.

– Так вам нравятся пауки, миледи?

– Не могу сказать, что люблю их так же, как ваш сын, но в этом я подобна большинству людей.

– Да, они их недолюбливают, – подтвердил граф, будто сам к ним не относился. – А мой сын с самого детства часами рассматривал в конюшне и в разных сараях, как они плетут свою паутину. Мы с его матушкой опасались, что он испортит себе зрение.

– Но видимо, не испортил, – улыбнулась Нелл.

– А потом он отправился путешествовать за моря в поисках своих на... пауков и едва не погиб.

– И это я тоже вам объяснял, – сказал лорд Бромвелл, и видно было, что терпение его истощается. – Некоторые вещи можно узнать только в процессе изучения природной среды обитания тех или иных особей, и я стремился...

Отец раздраженно махнул рукой:

– Я вовсе не говорю, что научные открытия не нужны, но предоставьте совершать их тем, кто больше подходит для подобных лишений.

– Отец, может, мы обсудим это позже, наедине? – сдерживаясь из последних сил, попросил Бромвелл.

Граф обратился к Нелл, словно не замечая сына:

– Он хочет меня убедить, чтобы я дал ему еще денег на следующую экспедицию. А мы с вами попытаемся уговорить его оставаться в Англии, не так ли, дорогая?

«Как будто это в моих силах!»

Но сейчас, увидев его отца, она начинала понимать, почему виконт готов отправиться на край света.

– Отец, почему бы вам не рассказать леди Элеоноре о пещере?

– Ах да, о пещере я и забыл! Я устроил в своем поместье настоящую пещеру и даже поселил в нем отшельника. Сейчас это очень модно! Мы непременно его навестим. Должен предупредить, он играет на волынке. Шум производит страшный, но зрелище удивительно эффектное и живописное!

Нелл взглянула на лорда Бромвелла, который тоскливо смотрел в окно, как узник, мечтающий о свободе.

– Думаю, лорд Бромвелл, паукам нравятся пещеры?

Он обернулся к ней и со слабой улыбкой заговорил:

– Дело в том, что...

– Прошу вас, сын мой, избавьте нас от очередной лекции, – раздраженно заявил граф, когда карета свернула с дороги на длинную подъездную аллею с плавным изгибом. – Мы не на заседании Королевского общества... А вы, миледи, скоро увидите нечто действительно стоящее обсуждения!

– Сейчас много говорят о книге вашего сына, милорд, – возмущенная его пренебрежением к сыну, нарочно заметила она.

Но вместо того чтобы выразить восторг и гордость, лорд Грэншир мрачно нахмурился:

– Скорее, об отдельных ее главах. Вы ее читали?

– К сожалению, нет, не читала.

– Я тоже. Зачем только Бромвелл вставил в свое описание всю эту чушь о дикарях...

– «Дикари», о которых вы говорите с таким презрением, в некотором отношении более цивилизованны и гуманны, чем многие так называемые джентльмены, – резко сказал лорд Бромвелл, но спохватился. – Простите, миледи, но, боюсь, слишком часто неве... люди высказываются в этом духе, и я чувствую своим долгом защитить несправедливо оклеветанных туземцев. Безусловно, нам трудно понять некоторые их обычаи, но многие из наших обычаев их тоже ставят в тупик. Например, носовые платки. Они не понимают, зачем человеку...

– Бромвелл, будьте любезны, не обсуждайте физиологические отправления в обществе дамы! – приказал его отец.

– Я хотел только показать...

– Это уже не важно. – Граф величественно указал рукой налево и горделиво улыбнулся Нелл. – Вот и Грэншир-Холл!

Нелл выглянула в оконце. Плавно изгибающаяся дорожка вела к фасаду внушительного трехэтажного здания из серого камня. Оно действительно было построено в самом современном стиле. Нелл невольно подумала, сколько же в нем должно быть спален и различных помещений и сколько нужно слуг для ухода за таким огромным особняком.

– Ну, что скажете? – самодовольно осведомился граф.

Нелл с удовольствием высказала бы ему свое мнение о нем самом, но предпочла сохранять приличия.

– Ваш дом очень красив, думаю, другого такого мне не приходилось еще видеть.

Граф удовлетворенно запыхтел. Тем временем карета остановилась, и лакей спрыгнул с запяток и распахнул дверцу.

Граф спустился первым, затем, отгеснив сына, подал ей руку и торжественно повел в свой великолепный загородный дом. Украдкой оглянувшись, она увидела, как лорд Бромвелл разговаривает с кучером, очевидно нисколько не задетый бесцеремонностью отца.

Видимо, он давно привык к подобному обращению.

Войдя в холл, она поняла, что граф хвастался не без основания. При строительстве были использованы прекрасные материалы – полы выложены плитами итальянского мрамора, в великолепном фойе – мозаичный паркет красного де рева с более светлым дубом. На потолке в обрамлении лепнины – фреска на классический сюжет, от которой у нее дух захватило. Она впервые видела изображение полуобнаженных мужчин, сошедшихся в смертельном бою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.